

И. М. Нохрин

Колониальный национализм в Британской Северной Америке в первой половине 1830-х гг.

В канадской историографии 1830-е гг. традиционно считаются переломным десятилетием в истории. И дело не только в восстаниях 1837–1838 гг., которые стали первой и последней в истории страны попыткой провозгласить независимость без одобрения метрополии. Не меньшее значение придается и последствиям этих событий — назначению генерал-губернатором Канады знаменитого английского вига и радикала Джона Лэмбтона, лорда Дарема, а также написанию им знаменитого отчета, подготовившего почву для дальнейших политических реформ, прежде всего введения ответственного правительства. Однако когда речь заходит о причинах восстаний, то в этом вопросе канадские историки уже полтора столетия не могут достичь взаимопонимания.

В англоязычной историографии политический кризис и восстания 1837–1838 гг. традиционно объясняются борьбой двух политических группировок: «семейного союза», «тори», или просто колониальной олигархии, с одной стороны и демократической оппозиции, «реформаторов», или «радикалов», с другой¹. Оплотом первых называется губернатор и советы при нем, вторых — ассамблея. Суть их противоречий — борьба за власть, но с той лишь разницей, что целью оппозиции считается проведение в Канаде либеральных реформ, прежде всего введение ответственного правительства, в то время как «тори», или колониальные элиты, характеризуются как противники каких-либо изменений, заинтересованные в сохранении выгодного для них статус-кво. Соответственно

симпатии исследователей, как правило, на стороне «радикалов», поскольку они считаются носителями идей и ценностей прогрессивной либеральной демократии, борцами за расширение полномочий колониальных ассамблей, а значит, эволюции политической системы колонии в сторону самоуправления, федерации 1867 г. и, в конце концов, независимости.

В этом контексте восстания 1837–1838 гг. обычно изображаются как необдуманная попытка некоторых наиболее рьяных «реформаторов» форсировать естественный процесс поступательного распространения либеральных политических институтов в Канаде, который, как многие историки предполагают, в любом случае завершился бы обретением Канадой самоуправления, а затем и независимости². Будучи сторонниками умеренных реформ и противниками любого рода насильственных действий, канадские либеральные исследователи обычно осуждают радикализм восставших, хотя и признают, что их действия значительно ускорили получение Канадой ответственного правительства³. Уже в последней четверти XX в. этот подход был дополнен многочисленными исследованиями из жанра социально-экономической истории, авторы которых доказывали наличие гораздо более глубоких противоречий в канадском обществе, которые, по их мнению, дополнительно осложняли и обостряли ситуацию. Среди таковых называют экономический кризис начала 1830-х гг., эпидемию холеры, рост налогов и повинностей, особенно затронувший земельных арендаторов с и без того низкими доходами⁴.

Совсем иной взгляд характерен для франкоязычной историографии — исследователи из Квебека определяют кризис 1830-х гг. как одну из кульминационных точек в борьбе франкоканадцев за национальное существование. Интересно, что с англоязычными коллегами их сближает мысль о бесперспективности, а потому бессмысленности вооруженного выступления, хотя это не мешает с симпатией и пониманием относиться к восставшим. К тому же колониальные власти, как вслед за Л. Гру полагают многие исследователи, попросту не оставили франкоканадцам других возможностей защищать свою культуру и образ жизни, кроме как с оружием в руках⁵. Однако наличие у франкоканадцев особой, самобытной социально-политической модели развития не вызывает сомнений и у современных квебекских историков. Многие из них продолжают традицию объяснения кризиса 1830-х гг. стремлением наиболее радикально настроенных политиков порвать связи с Великобританией и добиться для Нижней Канады независимости ради сохранения их особой политической культуры⁶.

Невозможно не удивляться тому, насколько подход этих исследователей отличается от англоязычных коллег, прежде всего в оценке масштаба событий. Франкоканадские исследователи ставят восстания 1837–1838 гг. в один ряд с французской и американской революциями, считают их судьбоносным поворотом, навсегда изменившим образ франкоканадской нации и национализма, сделавшим его более консервативным, клерикальным, заикленным

на идее собственной исключительности. Некоторые историки даже полагают, что до 1838 г. франкоканадский национализм был гораздо более эгалитарным и демократичным, примерно таким же, как в США, и только после жестокой расправы над восставшими стал приобретать этническое, расовое, нетерпимое по отношению к англоговорящим соседям содержание, характерное для него по сей день⁷.

Итак, отправная точка данной статьи — это существующие по сей день различия в подходах англо- и франкоязычных историков в оценке событий, предшествовавших восстаниям 1837–1838 гг. Поэтому целью данной работы является выявление роли национализма, как англо-, так и франкоканадского, в назревании данного социально-политического кризиса. В качестве теоретико-методологической базы для данного исследования выбрана теория национализма Л. Гринфелд. В рамках этого подхода национализм понимается как реакция на угрозу социальному статусу, возникающую, как правило, в ситуации социальной неопределенности, рассогласованности структур и институтов, культурного раскола между ожиданиями и действительностью и недостатка действующих норм и ценностей⁸. Именно это состояние, которое Гринфелд определяет через дюркгеймовское понятие аномии, называется ею отправным пунктом для развития любого национализма⁹. В приложении к истории Канады подход Гринфелд позволяет предположить, что кризис 1830-х гг. мог стать как раз тем самым кризисом, когда дезорганизация норм и институтов, иными словами аномия, дала мощный толчок к развитию канадского национализма, а тот, в свою очередь, и стал причиной восстаний 1837–1838 гг.

В конце 1820-х гг. главным предметом для дискуссий в политической жизни британских колоний в Северной Америке был поступательно обострявшийся конфликт между депутатами местных ассамблей, требовавшими контроля над расходами провинциальных правительств и бюджетом вообще, с одной стороны и губернаторами и советами при них, которые не считали ассамблеи аналогом британского парламента и на этом основании отказывали их депутатам в праве вотировать расходы, с другой стороны. Назначение в Канаду нового губернатора Джеймса Кемпта в 1828 г. позволяло «патриотам», как называли оппозиционно настроенных политиков во франкоязычной Нижней Канаде, надеяться на перезагрузку их отношений с исполнительной властью.

И события поначалу развивались именно в этом направлении. Добравшись до Квебека, Дж. Кемпт составил и отправил новый гражданский лист — перечень планируемых расходов, значительную часть которого составляло ежегодное жалование членов советов, чиновников и судей. Впервые за долгое время более половины должностей достались франкоязычным канадцам, причем среди них были наиболее высокооплачиваемые посты. Если же считать не в абсолютных, а в относительных показателях, то франкоканадцы получали более 80 % от всех средств, выделяемых на содержание бюрократического аппарата¹⁰.

Несколько иначе развивалась ситуация в Верхней Канаде. Там также сменился губернатор, но новый руководитель Джон Колборн вел себя так, словно никакой ассамблеи и вовсе не существовало. Он не только продолжал планировать и тратить бюджет колонии, не считаясь с мнением депутатов легислатуры, но также безо всякого согласования с ними почти вдвое увеличил жалование себе и приближенным из числа так называемого «семейного союза», т. е. близких к губернатору советников и чиновников, с 6500 до 10800 фунтов по гражданскому листу¹¹. Это вызвало протесты не только депутатов ассамблеи, но даже сам премьер-министр Великобритании Джон Робинсон написал Колборну о необходимости передать контроль над финансами ассамблее¹². Как известно, премьерство Дж. Робинсона продлилось всего 144 дня, поэтому губернатор просто проигнорировал его предписание.

Советники губернатора также демонстративно не считались с позицией ассамблеи и игнорировали указания из Лондона. На протяжении 1829–1830 гг. Законодательный совет отклонил пятьдесят три билля, разработанных и утвержденных легислатурой. Большая часть этих инициатив касалась практики совмещения должностей, которая давно вызывала их негодование. Отталкиваясь от рекомендаций парламентского комитета 1828 г., депутаты пытались запретить близким к губернатору чиновникам входить в жюри присяжных, исключить судей из советов при губернаторе, а шерифов — из ассамблей¹³. Но все эти законопроекты отклонялись законодательным советом.

Чувства бессилия, обиды и негодования охватили депутатов легислатуры. Казалось бы, на их стороне была и британская конституционная практика, и Вестминстер, и сам премьер-министр Соединенного королевства, однако они по-прежнему не обладали полноправным статусом. Отчаявшись повлиять на ситуацию, некоторые даже отказались от участия в политике и не стали выдвигать свою кандидатуру на очередных выборах 1830 г. Другие же, наоборот, становились все радикальнее и настойчивее. Среди таких был У.Л. Маккензи. В марте 1831 г. он выступил с инициативой создания сети «Обществ защиты конституционных прав британских подданных». Их главной задачей должно было стать «систематическое противодействие попыткам *поработить* (enslave) канадцев»¹⁴. Невозможно не отметить символическую связь между этим заявлением и неофициальным гимном Соединенного Королевства «Правь, Британия...», в котором рефреном повторялось «британцы никогда не будут рабами». Очевидно, Маккензи боялся, что это порабощение скоро может произойти.

Первое собрание головного общества в Йорке посетили 180 «уважаемых жителей». Был выбран центральный комитет, составлен текст очередной петиции королю и парламенту с жалобами на губернатора и его советников, разработан план дальнейших действий¹⁵. Буквально сразу же после первой встречи активисты разъехались по сельской местности и провели еще девятнадцать митингов, на которых встречались с другими «влиятельными жителями», собирали подписи под петицией, организовывали местные отделения. По подсчетам

самого Маккензи, который присутствовал на каждой из этих встреч, их посетило порядка 2–3 тыс. человек¹⁶. Митинги затем проводились все лето и осень 1831 г. «Ажиотаж вокруг партии, созданной в столице, в конце концов достиг благополучных и счастливых фермерских хозяйств Западного округа... Их убеждали, что они страдают от угнетения самой тяжелой степени», — писал современник¹⁷. Буквально за год Маккензи удалось добиться поставленной цели — почти в каждом графстве появилось отделение его «Общества».

В конце концов советники губернатора решили пресечь стремительный рост популярности Маккензи. В декабре 1831 г. они обвинили его в клевете и потребовали лишить депутатского мандата. Формальным поводом стала одна из публикаций «Колониэл эдвокейт» (“Colonial Advocate”), в которой Маккензи жаловался, что губернатор хочет видеть ассамблею лишь «контроль, подхалимски утверждающей любой его указ» и назвал ее несправие «божьей карой за грехи всей Северной Америки в XIX веке»¹⁸. Именно последние слова, в силу их недоказуемости, и составили суть обвинения в клевете. Нелепость этих нападок, вызывавших у современников аллюзии со знаменитым «делом» Дж. Уилкса, только усиливали популярность Маккензи и словно лишней раз подтверждали его правоту. По свидетельствам современника, в день, когда охрана запретила ему входить в здание легислатуры, обзывая «рептилией» и «спаниелем»¹⁹, несколько тысяч человек вышли на улицы Йорка на митинг в поддержку журналиста²⁰.

В январе 1832 г. в округе Маккензи прошли повторные выборы, на которые он снова выставил свою кандидатуру и победил с результатом 119 голосов, поданных за него, и только одним в пользу его соперника. И опять тысячи человек вышли на улицы Йорка, чтобы проводить Маккензи до здания ассамблеи²¹. И в тот же день его снова лишили мандата — большинство мест в легислатуре по-прежнему принадлежало советникам губернатора, судьям и шерифам, которые совмещали множество должностей, в том числе и в легислатуре. Выйдя на улицу, Маккензи обратился к собравшимся: «Канадцы! <...> Будьте твердыми, не относитесь легкомысленно к своим правам, покажите, что вы способны управлять своей собственной жизнью, созрели для свободы, что вы просвещенные подданные конституционного Суверена, а не холопы Московии (serfs of a Muscovite) или подобие европейской толпы... Боритесь за наше врожденное право спокойно наслаждаться преимуществами гражданских и религиозных свобод, всеобщего благосостояния и независимости»²².

Последние слова — не что иное, как квинтэссенция британского национализма. Маккензи был уверен, что величайшее достоинство его самого и его сторонников заключалось в принадлежности к числу «просвещенных подданных конституционного Суверена», т.е. британской нации. Один только этот факт позволял ему говорить не только об их превосходстве над жителями России, да и вообще всей Европы, но и о «врожденных» правах и свободах, среди которых особо подчеркивались индивидуальная свобода и процветание. Однако

обращался к слушателям он как к канадцам, подчеркивая, что их объединяет общий опыт несправедливости и угнетения.

Маккензи в третий раз баллотировался в ассамблею, опять одержал убедительную победу и снова был исключен. Весной 1832 г. через сеть «обществ защиты конституционных прав британских подданных» он собрал деньги и отправился в Лондон, чтобы лично донести до имперского правительства свое мнение и петицию с двадцатью пятью тысячами подписей в его поддержку²³. Там он встретился с некоторыми депутатами парламента из числа радикалов, а также Дж. Робинсоном, который к тому моменту занимал пост колониального секретаря. Лорд Годрич с вниманием отнесся к жалобам Маккензи. В депеше Дж. Колборну от 8 ноября 1832 г. он напомнил о положениях Конституционного акта 1791 г. и предложил учитывать мнение ассамблеи при планировании бюджета, а также отказаться от любого давления на кандидатов и избирателей при проведении выборов²⁴.

Позиция Дж. Робинсона глубоко разочаровала Маккензи. Прodelав столь долгий путь, он рассчитывал добиться большего, чем простое напоминание губернатору о необходимости следовать букве Конституционного акта, принятого тридцать лет назад и до сих пор в полной мере не исполнявшегося. Единственным утешением стала для него возможность вернуться в ассамблею. Однако депеша из Лондона пришла в Канаду лишь в декабре 1833 г. К этому времени депутаты из числа союзников губернатора снова проголосовали за лишение Маккензи депутатского мандата, причем уже после новой его победы на очередных выборах месяцем ранее²⁵. На этот раз Дж. Робинсон потерял терпение — губернатор получил выговор, а двое из близких к нему людей лишились всех доходных должностей в колонии. В конце концов Дж. Колборн был вынужден пойти на уступки. По его инициативе Маккензи все же принес присягу в качестве депутата и занял место на скамье легислатуры. Однако в тот же день, 11 февраля 1834 г., журналист снова был исключен большинством голосов и изгнан за дверь охраной²⁶. Неизвестно, чем бы закончилось это крайне принципиальное противостояние, но в апреле 1834 г. Йорк получил официальный статус города под названием Торонто, а вместе с ним должность мэра и городской совет. На первых же выборах Маккензи легко завоевал пост главы города, а многие его сторонники вошли в совет. Место депутата ассамблеи перестало его интересовать.

Параллельно недовольство нарастало в Нижней Канаде. Хотя Дж. Кемпт и попытался завоевать симпатии франкоканадцев новыми должностями и высокими жалованиями, его гражданский лист так и не был утвержден в Лондоне до самого отъезда губернатора обратно в метрополию в 1830 г. Причина не имела прямого отношения к Канаде. В это время в парламенте шли дискуссии по вопросу о размере ежегодных расходов короля и, соответственно, принципах составления гражданских листов как таковых. В итоге содержание Вильгельма IV было решено сократить до размера потребностей его домашнего

хозяйства и слуг, а назначение государственных чиновников, в том числе и определение их жалования, полностью перешло в ведение парламента. Основываясь на этом новом подходе, Министерство колоний вернуло в 1831 г. гражданский лист Дж. Кемпта обратно в Канаду на утверждение законодательной ассамблеи и совета.

Новая политика Лондона, казалось бы, соответствовала давним чаяниям депутатов ассамблеи — в их ведение передали контроль над важнейшей частью бюджета колонии. Однако все оказалось не так просто. Собравшись для обсуждения полученного от министерства колоний документа, канадские политики обнаружили, что этот гражданский лист 1831 г. отличался от варианта Дж. Кемпта 1828 г. И хотя большая его часть осталась прежней, имперские чиновники дополнили список новыми расходами, в частности на содержание священников, как англиканских, так и католических, епископа Квебека и некоторых чиновников колониальной администрации, таких как генеральный прокурор и генеральный солиситор²⁷. Прежде жалование и тем, и другим выплачивалось не из бюджета колонии, который формировался не за счет прямых налогов с населения, а из так называемых королевских доходов, т. е. тех средств, которые губернатор получал от таможенных и иных пошлин. Иными словами, в колониальном ведомстве переложили часть расходов короны на канадцев, не только не спросив, но даже не уведомив об этом ассамблею, словно надеясь, что никто этого не заметит.

Вся эта ситуация выглядела в лучшем случае как неуклюжая хитрость, а в худшем — как откровенное пренебрежение. Депутаты были удивлены и возмущены. Тем не менее они утвердили полученный из метрополии гражданский лист. Но, возможно, именно уязвленное чувство собственного достоинства заставило Л.-Ж. Папино со всей энергией подключиться к расследованию событий так называемых «монреальских беспорядков», как их назвали официальные власти, или «монреальской бойни», если следовать версии «патриотов», случившихся 21 мая 1832 г. То был последний день голосования в одном из избирательных округов Монреаля. По до сих пор неясным причинам один из членов городского совета Джон Фишер распорядился вывести на улицы города войска под командованием капитана Генри Темпла. Как утверждает канадский историк Джеймс Джексон, это была попытка запугать избирателей одного из кандидатов, Дэниала Трейси, известного журналиста и отчаянного критика чиновников из числа «семейного союза»²⁸. Трейси к тому времени уже успел отсидеть тюремный срок за «клевету» в адрес официальных лиц и вышел на свободу незадолго до выборов. Появление солдат около избирательного участка, настаивает Дж. Джексон, должно было отбить желание голосовать за «патриота». Однако, по официальной версии, с которой соглашаются некоторые другие канадские историки, это было сделано для пресечения возможных беспорядков в случае поражения Трейси²⁹.

Как бы то ни было, выход военных на улицы во время голосования и их построение буквально напротив места подсчета голосов было воспринято горожанами именно как попытка давления. В адрес солдат полетели оскорбления и, по некоторым свидетельствам, даже камни, люди требовали от них уйти. В ответ капитан Г. Темпл распорядился открыть огонь. Три человека были убиты, о количестве раненых информации не сохранилось. Как утверждает Дж. Джексон, все погибшие были случайными прохожими³⁰. Никто из них не был вооружен, при этом ни один из военных не был ранен, их жизням, как позже сообщали свидетели, ничего не угрожало³¹.

В тот же день, когда случилась трагедия, на место прибыл Л.-Ж. Папино. Он немедленно нашел Г. Темпла и его непосредственного начальника полковника А. Макинтоша, требуя объяснить, кто распорядился вывести на улицу войска и разрешил начать стрельбу. Но офицеры отказались называть имена. Как позднее свидетельствовал Г. Темпл, у них не было на руках письменного приказа городского совета, а потому они не могли уверенно указать на Дж. Фишера. Тогда Папино возложил на них всю ответственность за гибель людей и добился издания ордера на арест Темпла и Макинтоша³². Символизм этого события трудно переоценить — капитан и полковник британской армии были отправлены за решетку канадским констеблем. Более того, вскоре они должны были предстать перед судом по обвинению в превышении полномочий и убийстве.

Однако триумф Папино длился недолго. В тот же день он написал, как выразилась канадская исследовательница Х.Т. Маннинг, «надрывное письмо» новому, недавно прибывшему в колонию губернатору барону Мэтью Уитворт-Эйлмеру, умоляя его лично приехать в Монреаль и разобраться в ситуации. Папино был уверен, что офицеры непременно рассказали бы губернатору все обстоятельства произошедшего и виновники трагедии понесли бы ответственность³³. Но губернатор отказался ехать в Монреаль. Более того, всего неделю спустя Темпл и Макинтош вышли на свободу по решению генерального солиситора Нижней Канады, члена «дворцовой клики» Ч.Р. Огдена. А в августе 1832 г. все обвинения против них были сняты все тем же лордом Эйлмером, на чью помощь так рассчитывал Папино. В переписке с колониальным министром лордом Годричем губернатор назвал гибель горожан «случайным происшествием»³⁴. Дело было закрыто, никто не понес никакой ответственности. Комментируя это решение, франкоязычная «Ле Канадъен» (*Le Canadien*) язвительно предлагала губернатору не останавливаться лишь на этом «оскорблении добропорядочных людей», а продолжать в том же духе и даже наградить «убийц вверенных ему подданных короля», причем также сделать это также «в наиболее возмутительной и презрительной по отношению к канадскому народу» форме³⁵.

В отчаянии Папино переслал имевшиеся у него материалы дела коллеге по ассамблее Д.Б. Вижеру, находившемуся тогда в Лондоне. Особые надежды политик возлагал на найденную им в журналах Палаты общин резолюцию от 1745 г., в которой говорилось, что «присутствие отряда вооруженных солдат

на выборах есть величайшее попрание свобод подданных, открытое нарушение свободы выборов и открытое пренебрежение законами и конституцией этого королевства»³⁶. Папино надеялся начать разбирательство с самого факта появления солдат на избирательном участке, а затем дойти и до расстрела безоружных горожан. Однако лорд Гидрич отказался встречаться с Вижером. Также канадцу не удалось заинтересовать этим вопросом никого из тогдашних депутатов парламента. Вижер, Папино и их соратники снова были поставлены перед неприятным фактом: прямое нарушение британских конституционных практик не считалось таковым, если оно произошло в Канаде.

По всей видимости, для франкоканадских «патриотов» это стало последней каплей. Так и не добившись для себя равенства статуса, прав и привилегий с другими британцами, они поставили под сомнение ценность важнейшего символа британского национализма — конституцию. В январе 1833 г. ассамблея Нижней Канады тридцатью четырьмя голосами против двадцати шести приняла резолюцию о признании неудовлетворительным «существующего способа комплектования законодательного совета» и назначила специальный комитет во главе с мэром Квебека Элизаром Бедаром для изучения других возможных способов формирования верхней палаты колониальной легислатуры³⁷. К концу марта комитет отчитался о проделанной работе и рекомендовал пересмотреть Конституционный акт 1791 г., а конкретно — сделать законодательный совет «свободно избираемым народом» органом. Резолюция ассамблеи и отчет комитета были немедленно отправлены в Лондон в Министерство войны и колоний с подробным описанием предлагаемой реформы³⁸.

Проект реформы вновь не получил ни понимания, ни поддержки в Лондоне. Но, несмотря на это, колониальные политики дали волю фантазии и посвятили всю вторую половину 1833 г. дискуссиям о том, какой бы они хотели видеть Канаду и что значит быть канадцем. Итогом стали девять две резолюции, принятые ассамблеей Нижней Канады в январе 1834 г. Это был очень примечательный, можно даже сказать, эпохальный документ. Его текст начинался с дежурных заверений в верности королю и Британской империи. Однако уже в 8-й резолюции конституционные принципы и законы, введенные в колонии, т. е. британские по сути институты, были названы дефектными³⁹. Соответственно, весь остальной текст представлял собой список порочных практик, которые предлагалось изменить. И это была уже не столько попытка добиться от имперского правительства каких-то уступок, по решительности и резкости формулировок этот документ больше напоминал манифест о национальном самоопределении. «Конституция и форма правления, которые лучше всего подойдут для этой колонии, не могут быть найдены в аналогичных институтах Великобритании, где состояние общества полностью отлично от нашего собственного», — заявляли «патриоты»⁴⁰.

Отталкиваясь от этого, депутаты предложили ряд реформ. Прежде всего, речь снова зашла о выборности законодательного совета. Этому вопросу,

а также конкретным предложениям по организации выборов было посвящено большинство резолюций. Также предлагалось отменить любого рода имущественные цензы, чтобы выборы стали свободными, а их результат определялся «способностями и талантами кандидатов», «среди которых могут быть и деньги, но которые не порождаются деньгами»⁴¹. Немало критики досталось губернаторам и их приближенным, которые, как утверждалось, систематически «оскорбляли и притесняли народ», да и вообще действовали против желания, «прав и интересов народа»⁴². По всей видимости, здесь имелась в виду недавняя «монреальская бойня». Также много внимания уделялось вопросу о контроле над колониальным бюджетом. Судя по содержанию и настроению резолюций, текущее его состояние также считалось не соответствующим интересам народа.

Невозможно не обратить внимание, что буквально в половине резолюций упоминался народ (the people) и его интересы (the interests) или желания (the wishes). Причем канадский народ, если верить словам депутатов ассамблеи, отличало «подлинное равноправие», позволявшее «честным, способным и усердным людям» добиваться успеха, в том числе на государственной службе, в противоположность «многочисленным искусственным привилегиям и преимуществам», которые давались жителям Старого света «по праву рождения титулов или богатства»⁴³.

Однако это отличие было не единственным. Патриоты считали важным особо отметить, что «политическая жизнь Европы в настоящее время находится под влиянием двух партий, которые в разных странах известны под разными именами. С одной стороны, это придворные, роялисты, тори, консерваторы. С другой стороны — либералы, конституционалисты, республиканцы, виги, реформаторы, и другие с подобными наименованиями. Так вот первая партия не имеет никакой поддержки или влияния на этом континенте, за исключением той, что достается ей от европейских единомышленников и от мизерного числа лиц, которые зависят от нее в силу личной выгоды... в то время как вторая партия доминирует во всей Америке»⁴⁴. Таким образом депутаты ассамблеи вновь противопоставляли канадцев и британцев, на этот раз по политическим взглядам, добавляя к чертам характера своего народа абсолютный либерализм.

Что особенно интересно, «патриоты» ничего не говорили об особом языке, религии или культуре франкоканадцев, подчеркивая, что они выступают от лица всех колонистов. «Подданные его величества в этой провинции, что британского происхождения... желания и интересы большинства их совпадают с их соседями французского происхождения», — утверждали депутаты и добавляли, что чувства любви и привязанности к «стране происхождения» — и «любовь к стране, которая приняла», совсем не одно и то же⁴⁵.

Изложенные в резолюциях идеи встретили понимание и одобрение среди канадской публики. Во время подготовки к очередным выборам 1834 г. эти тезисы были взяты на вооружение многими кандидатами и положены в основу предвыборной платформы. В результате «патриотам» удалось значительно

увеличить представительство в ассамблее — из двадцати семи депутатов, кто проголосовал против резолюций в январе 1834 г., двадцать три потеряли мандаты. Причем, как утверждает Х. Т. Маннинг, двенадцать из них даже не стали выставлять свои кандидатуры, а остальные проиграли непосредственно кандидатам от «патриотов»⁴⁶. Что особенно примечательно, как свидетельствует современник, резолюции получили поддержку и англо-, и франкоязычных канадцев. Даже более того, в графствах с преимущественно франкоговорящим населением в нескольких случаях победа досталась депутатам «английского происхождения», открыто выступившим в поддержку резолюций⁴⁷. Иными словами, не только «патриоты», но и их избиратели мыслили в категориях канадского национализма.

В Верхней Канаде идеи девяносто двух резолюций также получили большую поддержку. Там «реформаторы» пришли даже к тому, что «для более эффективной защиты прав и привилегий жителей этой провинции» им нужна «написанная конституция»⁴⁸. Под «написанной» реформаторы явно подразумевали их собственную, канадскую конституцию, а не «неписанную» британскую.

В апреле 1835 г. ассамблея Верхней Канады заслушала, приняла и распорядилась опубликовать двухтысячным тиражом объемный отчет «О злоупотреблениях» специального комитета во главе с У. Л. Маккензи⁴⁹. Поскольку этот документ как бы подводил итог дискуссиям последних лет, то в нем не было новых вопросов или жалоб. Депутаты по-прежнему протестовали относительно содержания англиканских церквей и священников за счет бюджета, требовали избираемого законодательного совета и ответственного правительства, т. е. подконтрольности колониальных чиновников прежде всего ассамблее, а не губернатору, возмущались практике совмещения должностей.

«Болезненный опыт доказал, — утверждали депутаты, — что это совершенно невозможно, чтобы череда сменяющих друг друга чужеземцев (strangers) смогла с пользой управлять и контролировать жизнь народа за 4000 миль от них. Будучи совершенно непрактичной, эта система теперь ощущается как нестерпимая теми, для блага которых она вроде бы предназначалась, и потому она должна быть отменена, а внутренние институты провинции должны быть усовершенствованы и управляться местными властями, чтобы делать людей счастливыми и удовлетворенными»⁵⁰. Вмешательство английских колониальных министров в «дела этой страны», в которой они никогда не бывали, о ситуации в которой ничего не знают, за исключением явно тенденциозной информации из официальных докладов, называлось авторами доклада «самой оскорбительной» манерой господства⁵¹. Тем самым они провозглашали не что иное, как принцип национального суверенитета для канадцев.

Начало 1830-х гг. стало той поворотной точкой, когда британский национализм уже окончательно перестал устраивать значительную часть канадских политиков и их сторонников. Безуспешные попытки добиться тех же прав и привилегий, которые имели жители метрополии, убедили колонистов в отсутствии

равноправия между подданными короля в Старом и Новом свете. И это было нечто большее, чем просто претензии на власть, влияние или должности, как утверждают некоторые историки. В конце концов Л. Ж. Папино уже много лет занимал пост спикера колониальной ассамблеи и считался наиболее влиятельным среди широких масс населения политиком Нижней Канады. С этим соглашались его современники, в том числе и противники, и это же подтверждает подавляющее большинство историков. То же самое можно сказать и про У. Л. Маккензи, который за считанные годы не только превратился в ведущего журналиста и издателя Верхней Канады, но также создал сеть политических обществ по всей стране, куда входили тысячи его сторонников, и это не говоря про пост мэра Торонто.

Не чувствуя равенства с другими жителями империи, канадцы не могли больше считать себя британцами. Это касалось даже тех из них, кто всего несколько лет назад приехал из Англии или Шотландии. А если канадцы не были британцами, то под вопрос ставилась вся система колониального управления, ее легитимность и, конечно же, их верность королю, о которой так много говорилось. Если канадцы не были британцами, то получалось, что они жили под властью чужеземцев, как выразились составители девяноста двух резолюций, их земля управлялась иностранной державой с априори другими интересами, целями, мотивами, чем у канадцев. А это в эпоху триумфального шествия национализма по западному миру считалось проблемой гораздо большего масштаба, чем борьба за должности или реформы. Такое положение вещей воспринималось совершенно неправильным, несправедливым и нетерпимым.

-
- ¹ *Dunham A.* Political Unrest in Upper Canada, 1815–1836. Toronto, 1963; *Buckner Ph.* The Transition to Responsible Government: British Policy in British North America, 1815–1850. Westport, 1985; *Mills D.* The Idea of Loyalty in Upper Canada, 1784–1850. Toronto, 1988; *Jones B. T.* Republicanism and Responsible Government: The Shaping of Democracy in Australia and Canada. Kingston, 2014.
  - ² *Careless J. M. S.* Canada: A Story of Challenge. Toronto, 1963. P. 164–168; *Buckner Ph.* The Transition to Responsible Government. P. 205–249.
  - ³ *Lower A. R. M.* Colony to Nation: A History of Canada. Toronto, 1946. P. 213–256.
  - ⁴ *Johnson L. A.* History of the County of Ontario, 1615–1875. Whitby, 1973. P. 95–127; *Palmer B.* Working-Class Experience: Rethinking the History of Canadian Labour, 1800–1991. Toronto, 1992. P. 69–75; *McCalla D.* Planting the Province: The Economic History of Upper Canada, 1784–1870. Toronto, 1993. P. 187–193; *Lepler J.* The Many Panics of 1837: People, Politics and the Creation of a Transnational Financial Crisis. Cambridge, 2013.
  - ⁵ *Groulx L.* Histoire du Canada français depuis la découverte. Vol. 2. Montreal, 1960. P. 162–177.
  - ⁶ *Bouchard G.* Genèse des nations et cultures du nouveau monde: essai d'histoire comparée. Montréal, 2000. P. 97–98; *Harvey L.G.* Le printemps de l'Amérique française. Américanité, anticolonialisme, et républicanisme dans le discours politique québécois, 1805–1837. Montréal, 2005. P. 197.

- ⁷ *Filteau G.* Histoire des Patriotes. Quebec, 2003; *Ducharme M.* Le concept de liberté au Canada à l'époque des Révolutions atlantiques, 1776–1838. Montréal, 2010; *Lamonde Yv.* 1) Fais ce que dois, advienne que pourra: Papineau et l'idée de nationalité. Montréal, 2015; 2) Brève histoire des idées au Québec. Montréal, 2019; *Mauduit J.* American Republicanism at a Crossroads: Canadian "Twin Stars", Annexation, and Continental Order (1837–42) // *Early American Studies: An Interdisciplinary Journal.* 2020. Vol. 18, no. 3. P. 365–397.
- ⁸ *Greenfeld L.* Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge, 1992. P. 31–44.
- ⁹ *Greenfeld L.* Nationalism and the Mind // *Nations and Nationalism.* 2005. No. 11 (3). P. 332.
- ¹⁰ Lower Canada Blue Books, 1829–30 // Public Record Office. CO 47/129-30.
- ¹¹ *Dunham A.* Political Unrest in Upper Canada, 1815–1836. P. 121.
- ¹² *Ibid.* P. 118–119.
- ¹³ *Ibid.* P. 118.
- ¹⁴ *Colonial Advocate.* 1831. March 10.
- ¹⁵ *Ibid.*
- ¹⁶ *Colonial Advocate.* 1831. July 28, Aug. 4, 11.
- ¹⁷ *Canadian Emigrant and Western District Advertiser.* 1832. May 12.
- ¹⁸ *Kilbourn W.* The Firebrand: William Lyon Mackenzie and the Rebellion in Upper Canada. Toronto, 2008. P. 88.
- ¹⁹ *Ibid.* P. 91.
- ²⁰ *Fidler I.* Observations on Professions, Literature, Manners and Emigration in the United States and Canada. London, 1833. P. 228.
- ²¹ *Kilbourn W.* The Firebrand. P. 67–68.
- ²² *Colonial Advocate.* 1833. Jan. 5.
- ²³ *Kilbourn W.* The Firebrand. P. 105.
- ²⁴ Despatch from Viscount Goderich to Major General Sir John Colborne, 8th November, 1832 // The seventh Report from the Select committee of the House of Assembly of Upper Canada on grievances. Toronto, 1835. P. 217–235.
- ²⁵ *Dunham A.* Political Unrest in Upper Canada, 1815–1836. P. 131.
- ²⁶ *Ibid.* P. 135.
- ²⁷ *Manning H. T.* The revolt of French Canada. Toronto, 1962. P. 340–341.
- ²⁸ *Jackson J.* The Riot that Never Was: The Military Shooting of Three Montrealers in 1832 and the Official Cover-up. Montreal, 2009. P. 3–5.
- ²⁹ *Senior E. K.* British Regulars in Montreal: An Imperial Garrison, 1832–1854. Toronto, 1981. P. 15–16.
- ³⁰ *Jackson J.* The Riot that Never Was. P. 7.
- ³¹ *Senior E. K.* British Regulars in Montreal. P. 18.
- ³² *Ibid.* P. 26.
- ³³ *Manning H. T.* The revolt of French Canada. P. 352.
- ³⁴ *Senior E. K.* British Regulars in Montreal. P. 24.
- ³⁵ *Wade M.* French Canadians, 1760–1945. New York, 1955. P. 140.
- ³⁶ *Manning H. T.* The revolt of French Canada. P. 353.
- ³⁷ *Ibid.* P. 359.
- ³⁸ Petition of House of Assembly of Lower Canada, 1833 // *Statutes, Treaties and Documents of the Canadian Constitution 1713–1929* / Ed. by W. P. M. Kennedy. Toronto, 1930. P. 263–267.
- ³⁹ The Ninety-Two Resolutions of 1834 // *Statutes, Treaties and Documents of the Canadian Constitution 1713–1929.* P. 271.
- ⁴⁰ *Ibid.* P. 278–279.
- ⁴¹ *Ibid.* P. 272.
- ⁴² *Ibid.* P. 276.
- ⁴³ The Ninety-Two Resolutions of 1834... P. 272.
- ⁴⁴ *Ibid.* P. 277.
- ⁴⁵ *Ibid.* P. 281.

- ⁴⁶ Manning H. T. The revolt of French Canada. P. 363.
⁴⁷ Chapman H. S. What is the result of the elections? Fully answered. Montreal, 1834. P. 13.
⁴⁸ Correspondent and Advocate. 1835. May 15.
⁴⁹ The Seventh Report from the Select Committee of the House of Assembly of Upper Canada on Grievances. Toronto, 1835.
⁵⁰ Ibid. P. XXXIX–XL.
⁵¹ Ibid. P. XXXIX.

References

- BOUCHARD G. Genèse des nations et cultures du nouveau monde: essai d'histoire comparée. Montréal: Boréal, 2000.
- BUCKNER PH. The Transition to Responsible Government: British Policy in British North America, 1815–1850. Westport: Greenwood Press, 1985.
- CARELESS J. M. S. Canada: A Story of Challenge. Toronto: Macmillan, 1963.
- DUCHARME M. Le concept de liberté au Canada à l'époque des Révolutions atlantiques, 1776–1838. Montréal: McGill-Queen's University Press, 2010.
- DUNHAM A. Political Unrest in Upper Canada, 1815–1836. Toronto: Carleton University Press, 1963.
- FILTEAU G. Histoire des Patriotes. Québec: Septentrion, 2003.
- GREENFELD L. Nationalism and the Mind // Nations and Nationalism. 2005. No. 11 (3). P. 325–341.
- GREENFELD L. Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge: Harvard University Press, 1992.
- GROULX L. Histoire du Canada français depuis la découverte. Vol. 2. Montréal: Fides, 1960.
- JOHNSON L. A. History of the County of Ontario, 1615–1875. Whitby: The Corporation of the County of Ontario, 1973.
- KILBOURN W. The Firebrand: William Lyon Mackenzie and the Rebellion in Upper Canada. Toronto: Dundurn Press, 2008.
- LAMONDE YV. Brève histoire des idées au Québec. Montréal: Boréal, 2019.
- LAMONDE YV. Fais ce que dois, advienne que pourra: Papineau et l'idée de nationalité. Montréal: Boréal, 2015.
- LEPLER J. The Many Panics of 1837: People, Politics and the Creation of a Transnational Financial Crisis. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
- LOWER A. R. M. Colony to Nation: A History of Canada. Toronto: Longmans, Green & Company, 1946.
- MANNING H. T. The revolt of French Canada. Toronto: Macmillan, 1962.
- McCALLA D. Planting the Province: The Economic History of Upper Canada, 1784–1870. Toronto: University of Toronto, 1993.
- MILLS D. The Idea of Loyalty in Upper Canada, 1784–1850. Kingston: McGill-Queen's University Press, 1988.
- PALMER B. Working-Class Experience: Rethinking the History of Canadian Labour; 1800–1991. Toronto: McClelland and Stewart, 1992.
- SENIOR E. K. British Regulars in Montreal: An Imperial Garrison, 1832–1854. Kingston: McGill-Queen's University Press, 1981.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

И. М. Нохрин. Колониальный национализм в Британской Северной Америке в первой половине 1830-х гг. // Петербургский исторический журнал. 2024. № 4. С. 176–191

Аннотация: Статья посвящена выявлению роли национализма в назревании социально-политического кризиса в британских колониях в Северной Америке в 1830-х гг. и последовавших восстаниях 1837–1838 гг. Автор доказывает, что это был период, когда колониальные политики и интеллектуалы начали отказываться от характерного для них прежде британского национализма и стали активно разрабатывать идею канадской нации. Безуспешные попытки добиться тех же прав и привилегий, которые имели жители метрополии, убедили колонистов в отсутствии равноправия между подданными короля в Старом и Новом свете. А без равноправия канадцы более не могли считать себя британцами. Более того, под вопрос ставилась вся система колониального управления, ее легитимность и, в конце концов, их верность королю. Причем представления о канадцах как нации в Верхней и Нижней Канаде были достаточно схожи и, что особенно примечательно, были, по сути, гражданскими, а не этническими. Но самым главным было то, что, если канадцы не были британцами, то логически следовало, что они жили под властью чужеземцев, как выразились составители девяноста двух резолюций, их земля управлялась иностранной державой с априори другими интересами, целями, мотивами, чем у канадцев. А это в эпоху триумфального шествия национализма по западному миру считалось проблемой гораздо большего масштаба, чем борьба за должности или реформы. Такое положение вещей воспринималось совершенно неправильным, несправедливым и нетерпимым. И оно не могло бесконечно продолжаться. Как только эта идея завоевала умы патриотов и реформаторов, их дальнейшая радикализация, полный разрыв с британским национализмом и противостояние с империей были неизбежны.

Ключевые слова: история Канады, национализм, канадский национализм, британский национализм, Канада, канадская нация, англоканадцы, франкоканадцы.

FOR CITATION

I. M. Nokhrin. Colonial nationalism in British North America in 1830s // Petersburg historical journal, no. 4, 2024, pp. 176–191

Abstract: The article is devoted to revealing the role of nationalism in the socio-political crisis in Canadas in the 1830s and the subsequent uprisings of 1837–1838. The author argues that this was the time when colonial politicians and intellectuals began to abandon their British nationalism, which was very characteristic of them before and began to develop the idea of a Canadian nation actively. Unsuccessful attempts to achieve the same rights and privileges that the inhabitants of Britain had convinced the colonists that there was no equality between the subjects of the king in the Old and New Worlds. Therefore, without equal rights, Canadians could no longer consider themselves British. Moreover, the whole system of the colonial government, its legitimacy, and, in the end, their loyalty to the king, were called into question. Moreover, the ideas about Canadians as a nation in Upper and Lower Canada were quite similar and, which is especially noteworthy, were, in fact, civil, not ethnic. But the most important thing was that if the Canadians were not British, then it logically followed that they lived under the rule of foreigners, as the compilers of ninety-two resolutions put it, their land was ruled by a foreign power with *a priori* different interests, goals, motives than Canadians. And this, in the era of the triumphant march of nationalism across the Western world, was considered a problem of a much larger scale than the struggle for office or reform. This state of affairs was perceived as completely wrong, unfair, and intolerable. And it could not continue indefinitely. Once this idea had won the minds of patriots and reformers, their further radicalization, a complete break with British nationalism, and a confrontation with the empire were inevitable.

Key words: history of Canada, nationalism, Canadian nationalism, British nationalism, Canada, Canadian nation, Anglo-Canadians, French Canadians.

Автор: **Нохрин, Иван Михайлович** — к. и. н., доц., доц. кафедры политических наук и международных отношений историко-филологического факультета Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

Athor: **Nokhrin, Ivan Mikhailovich** — PhD in History, Associate Professor, Researcher in the Department of Sociology, Boston University, College of Arts & Science; Associate Professor of the Department of Political Sciences and International Relations, Faculty of History and Philology, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia).

E-mail: ivan-nokhrin@yandex.ru